

цией. Это стиль летописи в приподнятом, патетическом тоне. В житии Александра Невского мы встретимся с типичными приемами агиографа.²

Художественное различие стилей сразу стало ясно и понятно Х. М. Лопареву. Он законно выделил введение в житие Александра Невского как произведение иного художественного плана, чем последнее, признал его особенность.

До настоящего времени художественная сторона «Слова о погибели» воспринимается исследователями вне зависимости от жития Александра Невского, как нечто особо запечатляющееся, красочное. Н. К. Гудзий в обобщающем обзоре литературы о памятнике приводит мнение немецкого ученого Вернера Филиппа, назвавшего «Слово о погибели» «солнечным гимном» и единственным в своем роде произведением европейской литературы.³

На самом деле в других литературах находим композиции, в некоторых моментах очень близко напоминающие «Слово о погибели» по содержанию, стилю, патриотическому пафосу и по историческим условиям возникновения. Генетически они никак не связаны ни между собою, ни тем более со «Словом о погибели», но сравнение их с последним представляет несомненный интерес. Эти аналогии ставят «Слово о погибели» в ряд родственных явлений в литературах других народов, освобождая его от той исключительности, которая создается по отношению к нему, если «Слово о погибели» рассматривать обособленно, без сопоставления с подобными и сходными явлениями в иноземных литературах.

Первым привожу описание из *Naturalis historia* Гая Плиния Секунда, обычно именуемого Плинием Старшим, который в 77 г. н. э. поднес свой многотомный труд императору Титу. Правление Тита и его отца Веспасиана было мирным периодом жизни Римской империи. Они водворили порядок и спокойствие в государстве, расстроеном тиранией их предшественников, разоренном и потрясенном междоусобными войнами, превратившими императорскую власть в настолько шаткое состояние, что перед самым вступлением в управление империей Веспасиана в течение полугода лет один за другим трагически погибли три императора. Город Рим половину лежал в развалинах; даже Капитолий, место священного почитания, был завален мусором. Все это обостряло патриотическое чувство римского гражданина — звание, которое он носил с необычайною гордостью, и создавало, в противоположность жалкой действительности, идеальный образ родины, нашедший отражение в описании Италии, включенном Плинием в его «Естественную историю».

«Я знаю, — говорит он, — что заслуженно буду назван человеком неблагодарной и вялой души, если скажу кратко и между прочим о стране, матери и кормилице всех стран, избраннице богов, которую само небо делает прекраснее других, которая объединила разрозненные государства, смягчила нравы, соединила посредством торговли несходные и дикие языки многих народов, создала для человека общительность и образованность, короче говоря, стала родиною всех племен на всей земле. Что еще сказать о ней? Так велика известность всех ее частей, — да и кто не граничит с ними! — так велика слава ее деяний и народов! Сколько надо, наконец, труда, чтобы рассказать об одном только городе Рима, который следует назвать священным позвоночником Италии! Прелесть благословенных и плодородных полей Кампании очевидна для всех, как совокупное произ-

² С. Бугославский. Н. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников I—V. М., 1910. — ИОРЯС, т. XV. СПб., кн. 3, 1910, стр. 336.

³ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 529—530.